

УДК 811.161.1

О. А. Селюнина

О КОНСТРУКЦИИ С ВТОРИЧНОЙ СВЯЗЬЮ, ВОЗНИКШЕЙ НА БАЗЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-РАСПРОСТРАНТЕЛЬНОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Объектом рассмотрения в данной статье является конструкция с вторичной связью, базовым построением для которой является так называемые определительно-распространительные предложения. Основное внимание уделяется формальным особенностям базового построения, а также средствам формирования вторичной связи.

Subject of examination in this article is construction with second connection, for which basic building are so called attributive-extended sentences. Special attention does given to formal features of basic building, also communication facilities of forming of second connection.

Несмотря на то, что сугубо грамматический аспект изучения предложения на данном этапе развития отечественной русистики считается непродуктивным, в последнее время появляются работы, которые углубляют наши знания о формальном устройстве полипредикативных единиц. Одной из ценных находок начала XXI века было обнаружение М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [9] особого типа сложных предложений, построенных по принципу вторичной связи.

Само понятие «вторичная союзная связь» было введено в научный оборот А. Ф. Прияткиной, которая под вторичной союзной связью понимает такую связь, когда «союз выражает отношения между словами, уже вступившими в сочетание посредством словоформ» [19, с. 41]. Согласно А. Ф. Прияткиной, конструкции с вторичной связью имеют важный принцип формальной организации – двухуровневое синтаксическое строение. Его суть состоит в том, что синтаксические отношения и связи в некоем построении принадлежат разным уровням: уровню словоформ (первый, низший, уровень) и собственно синтаксическому уровню (второй, более высокий, уровень). Не все союзные конструкции имеют такое двухуровневое строение. Оно характерно для конструкций, которые строятся на базе слов (или словоформ), то есть для построений, компоненты кото-

рых имеют непредикативный характер и представляют собой словосочетание, сочетание слов, сочетание предикативной основы предложения с детерминантом. Между компонентами такого базового построения связь оформляется морфологически. Она может быть присловной (согласование, управление, примыкание) и неприсловной (предикативная связь, двунаправленная связь, связь детерминанта) [7]. Построения, которые описывают М. И. Черемисина и Т. А. Колосова, вряд ли продуктивно рассматривать с точки зрения морфологосинтаксического уровня, так что принцип двухуровневых структур, в том смысле, который вкладывает в него А. Ф. Прияткина, в этих конструкциях не действует.

Между тем, на наш взгляд, кажется совершенно справедливой идея М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой о близости предложений распространительного типа с вторичной противительной скрепой к конструкциям с вторичной связью. Общее у них, как нам кажется, состоит в том, что их вторая (вторичная) линия связей строится на базе первичной формальной основы, представляющей собой синтаксически оформленное построение. Разница же нам видится в том, что базовое построение в конструкциях, анализируемых А. Ф. Прияткиной, принадлежит к области словосочетания и простого предложения, а базовое построение в конструкциях, описываемых Т. А. Колосовой, относится к сфере сложного предложения. Не исключено, что в качестве базы для вторичной связи может выступать и текстовое объединение.

На основании принадлежности базового построения к сложному предложению, можно выделить как минимум четыре разновидности конструкции с вторичной связью:

1) конструкция с вторичной связью, возникшей на базе определительно-распространительного сложноподчиненного предложения, например: *Это привело к началу англо-американских военно-морских переговоров о взаимодействии на Тихом океане, **которые, правда, окончились безрезультатно*** (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина);

2) конструкция с вторичной связью, возникшей на базе присоединительно-вмещающего сложноподчиненного предложения, например: *Никто из них не только не являлся членом коммунистической партии, но даже не был знаком ни с одним коммунистом, **что, впрочем, нисколько не мешало им создавать великие империи*** (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина);

3) конструкция с вторичной связью, возникшей на базе сложного построения с присоединительной скрепой, например: *Щурясь с мудрым выражением и озабоченно покрякивая, я наложил щипцы на зуб, **причем, однако, мне отчетливо вспомнился всем известный рассказ Чехова о том, как дьячку рвали зуб*** (М. Булгаков, Записки юного врача);

4) конструкция с вторичной связью, возникшей на базе многочленного сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением придаточного,

например: *Я люблю провинциалов, в которых неуклюже пластуется история и которые поэтому резки на поворотах* (Т. Хмельницкая, Емкость слова).

Объект рассмотрения в данной статье – конструкции с вторичной связью, базовым построением для которых являются так называемые определительно-распространительные сложноподчиненные предложения. Приведем еще несколько примеров: *Висленев всячески содействовал их сближению, которое, впрочем, не переходило пределов простого дружества...* (Н. С. Лесков, На ножах); *Франция пошла на подписание с СССР договора о взаимопомощи, который, однако, не был дополнен военной конвенцией, что ограничивало его значение* (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина); *У них был где-то спорный клочок земли, о котором, впрочем, никогда и не спорили...* (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели); *Человек он был к тому же добрейший, разумеется, не без некоторых особенных княжеских замашек, которые, впрочем, в Мордасове считались принадлежностью самого высшего общества...* (Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон).

Главная и придаточная части этих предложений определительно-распространительного типа находятся в отношениях, близких к противительно-уступительным [8], что возможно из-за наличия в придаточной части второго связующего средства (*впрочем, однако* и под.), устанавливающего вторичные отношения между придаточной и главной частями. Приведенные выше примеры можно трансформировать в предложения с уступительными или противительными союзами. Ср.: *Висленев всячески содействовал их сближению, но оно не переходило пределов простого дружества; Несмотря на то, что Франция пошла на подписание с СССР договора о взаимопомощи, он не был дополнен военной конвенцией, что ограничивало его значение; Хотя у них был где-то спорный клочок земли, о нем никогда и не спорили; Человек он был к тому же добрейший, разумеется, не без некоторых особенных княжеских замашек, но они в Мордасове считались принадлежностью самого высшего общества....*

В этой статье мы ставим перед собой цель рассмотреть формальное устройство таких конструкций, заострив внимание на показателях связи (основной и вторичной) и формальных особенностях базового построения.

Базовое построение обнаруживается путем элиминации из конструкции с вторичной связью второго средства связи. Например, базовым построением для конструкции с вторичной связью *На уме у Шарля I были прежде всего греческие проекты, из которых, однако, ничего не вышло* (М. А. Заборов. Крестonosцы на Востоке) является сложное предложение *На уме у Шарля I были прежде всего греческие проекты, из которых ничего не вышло*. Это предложение состоит из двух предикативных единиц. Первая предикативная единица является вполне независимой, семантически за-

вершенной и не имеет в своем составе каких-либо формальных элементов, дающих право трактовать ее как придаточную. Вторая предикативная единица включает в свой состав относительное местоимение *который*, что характеризует ее как несамостоятельную в грамматическом отношении. При помощи относительного местоимения *который* осуществляется связь второй предикативной единицы и опорного существительного, расположенного в первой предикативной единице. В рамках конструкции с вторичной связью *который* имеет статус основного средства связи. Придаточная часть распространяет главную, дополняя ее новыми сведениями о предмете, названном определяемым существительным, и носит атрибутивный характер. Поскольку опорное существительное не нуждается в распространении определительной придаточной частью, связь между предикативными частями обычно характеризуется как принципиально слабая: всегда возможная, но необязательная. Слабая связь и определительные отношения – явления соотносительные, так как «определительная связь обычно не соответствует лексически обусловленной валентности подчиняющей лексемы (например, в словосочетании *белые столбы* определение *белые* возникает не потому, что *столбы* требует указания на цвет» [17, с. 125 – 126].

Вообще среди определительных предложений традиционно принято выделять две группы: выделительно-определительные (или ограничительные) и определительно-распространительные сложноподчиненные предложения [10], [2], [11], [21], [16]. У них много общего: это предложения с ориентированной анафорической связью, поскольку придаточное определяет существительное в главной части, замещаемое в придаточной части союзным словом, но и различия между ними значительны.

Придаточная часть выделительно-определительных сложноподчиненных предложений указывает на отличительные признаки объекта действительности в целях его индивидуализации, то есть выделения из других предметов, имеющих то же название. Связь между предикативными частями этого типа предложений может быть охарактеризована как сильная, поскольку придаточная часть восполняет недостаточность главной части, в которой существительное либо является информативно недостаточным, либо при нем имеется знак, структурно предопределяющий наличие обязательного атрибутивного распространителя. Например: *Первоначально преобладала версия, согласно которой мирная Советская страна подверглась внезапному нападению коварного агрессора* (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина); *В этой музыке я искал средство заставить людей задуматься о тех страданиях, которые терпит человечество* (М. А. Заборов, Крестоносцы на Востоке). В качестве предписывающего знака выступает коррелирующее с союзным словом указательное местоимение. Если указательное местоимение выполняет функ-

цию коррелята, и, соответственно, его значение не раскрыто в предтексте, то такое местоимение – признак выделительно-определительных предложений.

Выделительно-определительные сложноподчиненные предложения противопоставлены определительно-распространительным в том плане, что последние не выделяют объект из ряда подобных предметов, а сообщают о нем новую информацию. Опорное слово в описываемой ситуации называет известный предмет, поэтому оно вполне определено само по себе и (или) имеет при себе присловные определители. Все это является причиной того, что опорное слово структурно не предопределяет наличия придаточной части, представляющей собой отдельное суждение и занимающей «позицию детерминанта» [20, с. 949 – 950]. Например: *Меня так назвал отец, который всю свою жизнь проработал в милиции и хотел, чтобы я тоже стал милиционером* (В. Пелевин, Омон Ра); *В нескольких метрах от колоннады поднимался бетонный забор, по которому вправо уходили поблескивающие в лучах заката трубы теплоцентрали* (В. Пелевин Жизнь насекомых). Поскольку в основе определительно-распространительных предложений лежат два взаимосвязанных суждения, Н. С. Поспелов был склонен трактовать определительно-распространительные предложения как отчетливо двучленные [18, с. 331], традиционно же их относят к одночленным.

Специфика структуры определительно-распространительных предложений поддерживается и своеобразием их значения. Поскольку выделительно-определительные предложения являются ядерными в классе атрибутивных построений, определительно-распространительные предложения часто трактуются как периферийные, несобственно-определительные, и тогда из термина исчезает указание на их определительный характер, например: «распространительные» [6], «повествовательно-распространительные» [Кирпичникова 1966], квазиопределительные [15]. Традиционно отмечается и свойственное этим предложениям добавочное присоединительное значение [10], [21]. Реже присоединение здесь понимается не столько в семантическом, сколько в формальном плане. Так, А. Н. Латышева [12] обнаруживает в них присоединение как особую технику синтаксического подчинения. Согласно А. Н. Латышевой, особенности синтаксической структуры при технике «подчинительного присоединения» состоят в том, что «предикатный актант или сирконстант оформлен отдельной частью сложного предложения» [12, с. 89], в которую не входит средство связи, явным образом маркирующее подчинение.

Однако мы не видим в этих предложениях присоединительную конструкцию, поскольку грамматически присоединение здесь едва намечено. По нашему мнению, присоединительное значение в той или иной степени может сопутствовать различным видам отношений, особенно если они достаточно слабо выражены. Наличие дополнительного присоединительного зна-

чения естественно для определительно-распространительных предложений, поскольку в них отсутствует специальный формальный выразитель отношений. Дело в том, что части таких предложений связываются не союзами, а союзными словами, которые с морфологической точки зрения являются относительными местоимениями.

В абсолютном большинстве собранных нами фактов в базовом построении конструкций со вторичной связью зависимость придаточной части от главной оформлена относительным словом *который*, значительно реже встречаются определительно-распространительные предложения с другими союзными словами, такими, как *где, чей, когда*. В принципе, это можно объяснить хотя бы тем, что среди определительно-распространительных «наиболее употребительны предложения с *который*» [5, с. 700]. Союзное слово *который* максимально точно воспроизводит предметное значение опорного слова, не усложняя его дополнительными значениями. Видимо, для исследуемых конструкций это релевантно, поскольку относительное слово *какой*, усложняющее предметное значение опорного существительного указанием на качество, в нашей картотеке отсутствует.

Приведем примеры конструкций, где в качестве базового построения выступают определительно-распространительные предложения с союзным словом *который*: *Остановился он у знакомого коллеги, который, однако, укатил на несколько дней по делам* (Ю. Мамлеев, Вечерние думы); *Получать спасение во имя заслуг отца не выглядело справедливым, да, – но зато трикратно справедливо было получить это спасение во имя собственного таланта, о котором, однако, не могли знать распределители золота* (А. Солженицын Раковский корпус); *Они должны были заметить Кобу, влиятельного радикала, у которого тем не менее такие удобные взгляды...* (Э. Радзинский, Сталин).

Союзное слово *который* в исследуемых построениях обычно занимает инициальную позицию, если же оно располагается не в начале придаточной части, а за именем существительным, то реализует посессивную функцию [13], [4], указывая на то что человек или (если посессивность рассматривать широко) предмет, названный соответствующим существительным главной части, является носителем какого-либо отношения или владельцем чего-либо. При этом относительное местоимение употребляется исключительно в форме родительного или дательного падежей. Например: *По данным «Ъ» на этот год запланированы только заводские ходовые испытания кораблей, вероятность проведения которых, впрочем, пока тоже под вопросом* (<http://corum.mephist.ru/index.php?showtopic=17130&st=0>).

Относительно-посессивное местоимение *чей* осуществляет отсылку к кореферентному с ним имени существительному и передает идею принадлеж-

ности какого-либо предмета тому или иному лицу (группе лиц), а также предмету. Например: *Она <...> явно играла в какую-то игру, во время которой нужно было быстро двигаться и замирать на месте – с каким-то вторым человеком, чей запах, впрочем, совершенно не имел значения* (П. Зюскинд, Парфюмер; перевод с немецкого Э. Венгеровой); *Персы получили наглядный урок морской стратегии: множество их кораблей погибло во время бури по неопытности кормчих, а в сражении при Саламине в 449 г. до н. э. большую панику создали финикийцы — отличные моряки, чьим ремеслом, однако, была торговля, но не военное дело* (А. Б. Снисаренко, Властители античных морей). Базовые построения с союзным словом *чей* часто стоят на грани определительно-распространительных и выделительно-определительных предложений. Так, в первом примере опорное словосочетание содержит местоимение *каким-то*, которое может быть рассмотрено как маркер неопределенности, однако анализ контекста позволяет сделать вывод о том, что имеется в виду не неопределенность, а неважность этого «второго человека».

В качестве средства связи частей базового построения может употребляться относительное местоименное наречие *где*, которое анафорически связано с существительными, имеющими семы 'место', 'объединение людей', 'событие' или 'состояние'. Например: *Задами значило почти без дорог, вдоль пустынных заборов, перелезая иногда даже через чужие плетни, минуя чужие дворы, где впрочем всякий-то его знал и все с ним здоровались* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Она попала в сельхозколонию, где, впрочем, всегда сытней и потому легче* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг); *Раз или два еще прежде Лямшин приводил его к Степану Трофимовичу на вечера, где впрочем он особенного эффекта не произвел* (М. Ф. Достоевский, Бесы); *Но странно, что я забежал к Дарье Павловне, где впрочем меня не приняли...* (М. Ф. Достоевский, Бесы); *Она <...> призывала Ивана Степановича участвовать в ее бедном чувстве, где однако было согревающее тепло темного упоенья собственной скорбью и все терпение ее души* (А. Платонов, Счастливая Москва).

Относительное местоименное наречие *куда*, способное указывать на направление движения, обычно присоединяет придаточную часть к опорным именам существительным – названиям исходной или конечной точки движения, однако в нашем примере оно десемантизуется: *Цинтия прибегнула к жертвенным приношениям довольно примитивного свойства (куда, впрочем, примешалось нечто от юмора, свойственного Сибил) и принялась через нарочито неправильные промежутки времени посылать на служебный адрес Д. разные пустяки* (В. Набоков, Сестры Вэйн; перевод С. Ильина). В десемантизованном варианте союзное слово *куда* является кореферентным с определяемым именем существительным и без ущерба для смысла

предложения заменяется местоимением **который**. Ср.: *Цинтия прибегнула к жертвенным приношениям довольно примитивного свойства (к которым, впрочем, примешалось нечто от юмора, свойственного Сибил)*...

В русистике распространено мнение, что относительные местоимения являются маркерами подчинения наравне с подчинительными союзами. Следствием такой трактовки является то, что предложения с союзной и относительной связью предикативных частей не противопоставляются, и оба типа рассматриваются в рамках союзных предложений. Нам кажется, что указанным противопоставлением пренебрегать не стоит.

Мысль о том, что «в структурно-смысловом отношении относительная связь и относительные слова принципиально отличны от того, что называется союзной связью и союзами», впервые высказал И. А. Василенко [3, с. 49]. Это привело ученого к тому, что он вывел все предложения с относительными словами за пределы союзных, предлагая рассматривать их как бессоюзные сложные. Его теория регулярно подвергалась критике, но вместе с тем не без влияния его работ вопросительные местоимения, функционирующие в предложениях типа *Он спросил, как это произошло*, были лишены статуса союзных слов, а предложения с ними предложено рассматривать как бессоюзные сложные [1], [15].

Мы считаем, что средство связи в предложениях относительного типа, безусловно, есть, но оно отлично от союза. Специфика союза как связующего слова заключается в том, что его контакт с синтаксической конструкцией не закреплен никакими формальными показателями, то есть союз формально автономен. Автономность отличает союз от союзных слов, которые, будучи знаменательными словами, выполняют связующую функцию, совмещая ее с функцией члена предложения. Функция члена предложения, характерная для союзных слов, делает их неотъемлемой составляющей придаточной части и исключает возможность их трактовки как автономных элементов.

Союз – явление синтаксическое. Союз важен, прежде всего, для построения сложного предложения. Это самый главный компонент сложного предложения, он играет в нем такую же важную роль, какую играет сказуемое в простом предложении. Союзное слово – это лишь одна из синтаксических функций относительного местоимения.

Союз не только оформляет синтаксическую связь, но и формально обозначает уже существующие отношения между соединяемыми предикативными единицами, подчеркивая их. Союзное слово, будучи средством связи, не является средством выражения отношений. Именно этим объясняется затруднение интерпретации грамматических отношений в предложениях типа *Ребенок опять заболел, что расстроило мать*. Этим же объясняется сомнение в определительном характере тех предложений, которые традиционно называют

распространительно-определительными. Конечно, относительное местоимение всегда несет в себе определенную семантику, которая в большей или меньшей степени абстрактна. И чем выше уровень ее абстракции, тем труднее определить отношения между частями сложного предложения. Поэтому часто используются дополнительные средства, помогающие пролить свет на отношения между частями. Например: в выражении результативно-следственных отношений между предикативными частями предложения *Однако в силу внутреннего развития великих держав «интересы одной или нескольких стран начинают выходить за рамки сложившегося баланса сил, в результате чего стабильность системы нарушается* (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина) задействован производный предлог, употребленный при относительном местоимении. Само относительное местоимение только указывает на антецедент. Оно служит средством связи на основании анафорического отношения к своему антецеденту и относит часть, в которой находится, к той части того же сложного предложения, в которой представлен антецедент. Союзные конструкции вообще не мыслимо вне анафорической связи. Но здесь возникает вопрос, как соотносится анафорическая связь и подчинение, ведь способностью к анафорической связи обладают не только относительные местоимения (Ср.: *Ребенок опять заболел, это расстроило мать; Меня так назвал отец, он всю свою жизнь проработал в милиции...*). Очевидно, что само по себе анафорическое отношение между компонентами смежных предикативных единиц знаком подчинения не является. Относительное местоимение, в отличие от, например, указательного или личного, специально адаптировано выполнять функцию средства связи частей сложного предложения. В случае с местоимением *который* эта адаптация находит формальное выражение: формы рода и числа этого местоимения согласуются с формами рода и числа определяемого существительного. С помощью относительного местоимения оформляется зависимость от части, содержащей антецедент, той части, которая включает местоимение и представляет явление как попутное замечание. В то время как в рассмотренных выше предложениях с указательным или личным местоимениями нет зависимости частей и нет показателя подчинения, а содержание второй части актуализировано. Это текстовое объединение, которое не является не только «конструкцией», но и сложным предложением, поскольку постановка точки на границе предикативных единиц ничего не изменит. Ср.: *Ребенок опять заболел. Это расстроило мать; Меня так назвал отец. Он всю свою жизнь проработал в милиции...*

Факты постановки точки между частями относительно-распространительных предложений в литературе встречаются. Например: *Начнем с Сени. Который очень гордился, что отторговал тысячу и отделался дешевле Миши* (Э. Севела, Остановите самолет - я слезу!); *Моя мама сразу обзавелась*

кроме родных отца с матерью, еще и мачехой и отчимом. Которым всем предстояло в будущем стать моими дедушками и бабушками (Э. Севела, Зуб мудрости). Вопрос лишь в том, насколько точка между частями относительно-распространительных предложений соответствует норме литературного языка. На наш взгляд, точка здесь не свидетельствует ни о парцелляции, поскольку разрыв структуры не оправдан в коммуникативно-прагматическом отношении, ни о самостоятельности второго предложения. Таким образом, налицо противоречие: необязательность связи и невозможность расчленения определительно-распространительных предложений. Но трактовать эти признаки как противоречие можно только с позиций союзного подчинения. Для относительного подчинения это, скорее, правило, чем исключение (Ср., например, с относительно-распространительными предложениями). Более того, еще один признак относительных предложений – отсутствие специального средства, предназначенного для оформления отношений между предикативными частями, делает их открытыми для семантического осложнения. Именно по причине такой открытости между частями определительно-распространительного предложения могут устанавливаться уступительно-противительные отношения, а на базовую относительную связь «наслаиваться» вторичная связь. Вторичная связь и уступительно-противительные отношения возможны благодаря наличию второго связующего элемента, который является важной формальной приметой построений с вторичной связью.

В качестве второго связующего элемента в сложных предложениях с вторичной связью выступают лексемы *однако, впрочем, тем не менее, все же, все-таки, правда*, которые могут быть расположены контактно и дистантно по отношению к основному средству связи.

Впрочем: *Приехал из Тюмени Мишин, рассказал потрясающие новости, которые, впрочем, не потрясли никого, кроме Шалаева, Сольца и Трифонова...* (Ю. Трифонов, Отблеск костра); *Несмотря на свое крайнее волнение, он все-таки норовил попадать каблуками в животы и в ноги возившихся вокруг него людей, которые от этого, впрочем, довольно ловко уклонялись* (А. И. Куприн, Белый пудель).

Однако: *<...> Театр зарыдал и захлопал плохому актеру, который, однако, мог быть прекрасен...* (Н. С. Лесков, На ножах); *За физиков я бы отдала пять девочек, вполне хороших девочек-лаборанток, которые нам, однако, не нужны* (Н. Давыдова, Вся жизнь плюс еще два часа).

Правда: *О, сколько же было застоялых, тоскливых бездельников, таких, как я, как мой бывший институтский коллега Рафаил Павлович, который, правда, посылно занимался спортом, катался на горных лыжах и ездил на рыбалку* (А. Ким, Стена); *Я, мой Семен, ямщик - тоже русская душа, спешим на подмогу и, таким образом, вшестером поднимаем*

наконец экипаж, ставим его на ноги, которых у него, правда, и нет, потому что он на полозьях (Ф. М. Достоевский, Дядюшкин сон).

Все же: *Поэтому исследователи вынуждены скрупулезно реконструировать прошлое на основе довольно ограниченной документальной базы, которая все же значительно расширилась в последние годы...* (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина)

Все-таки: *И Водопьянов понес околесицу, в которой все-таки опять были свои, все связывающие штрихи* (Н. С. Лесков, На ножах); *А я только стоял среди голых стен, как перед открытием мира, которое, увы, все-таки задерживается* (В. Маканин, Андеграунд).

Тем не менее: *Большое количество работ русских синтаксистов посвящено присоединительной конструкции, трактовка которой, тем не менее, до настоящего времени остается дискуссионной* (В. И. Леус, Основные типы сочетаемости союзов); *Оценивая беседу в донесении в Лондон, Криппс отметил потенциально антигерманский курс СССР, который, тем не менее, «не сделает ничего такого, что могло бы в настоящее время открыто вызвать резкое недовольство Германии, и не будет разрывать свое соглашение с ней»* (М. И. Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина).

Позицию второго связующего средства нельзя обозначить как позицию союзного конкретизатора, поскольку основным средством связи является не союз, а союзное слово. Морфологический статус лексем, выступающих в качестве второго связующего элемента, определяется по-разному. Так, природу лексем *однако* понимают и как союз, и как союзоподобный элемент, и как частицу, и как модальное слово, и как междометие. Характеристика морфологической природы данного слова часто зависит от его местоположения в предложении. Так, инициальная позиция *однако* дает основание для трактовки данного слова как союза, интерпозиция – как вводно-модального слова. В нашем случае вряд ли можно признать за этим словом статус союза, поскольку оно не употреблено в инициальной позиции, а следует (контактно или дистантно) за основным связующим средством. Исходя из занимаемой позиции, *однако*, видимо, следует с морфологической точки зрения рассматривать как модальное слово. У лексем *впрочем* и *правда* также наблюдается совмещение модального и союзного значений. Вместе с тем другие лексем, выступающие в качестве второго связующего элемента, например, *все же*, *все-таки* не могут быть охарактеризованы не только как союз, но и как модальное слово; вероятно, с морфологической точки зрения их следует квалифицировать как частицы. Но независимо от морфологического статуса лексем *однако*, *впрочем*, *тем не менее*, *все же*, *все-таки*, *правда* способны выступать в релятивной функции, то есть служат для выражения синтаксических отношений и являются сегментным показа-

телем этих отношений. Конечно, выражаемые ими отношения полностью не совпадают с противительно-уступительными, поскольку эти лексемы «не способны однозначно квалифицировать тот или иной принцип противопоставления» [14, с. 152], но с их помощью в относительных предложениях обозначается характер перехода от одной мысли к другой, в результате чего устанавливаются вторичные отношения между придаточной и главной частями. Второе связующее средство – это грамматикализованный элемент контекста, он, вероятно, реализует слабую связь, связь текстового уровня, базирующуюся на его логической природе.

Итак, конструкция с вторичной связью, в качестве базового построения которой выступает определительно-распространительное предложение, состоит из двух предикативных членов. Части конструкции связаны двумя средствами: основным средством связи – относительным местоимением (который, чей, где, куда) и вторым связующим элементом, не имеющим статуса союза, но выступающим в функции, близкой к союзной (*однако, впрочем, тем не менее, все же, все-таки, правда*). Связь, организуемая вторым связующим средством, не дублирует относительную связь, а наслаивается на нее, при этом относительная связь отходит на второй план и ослабевает. Ведущими отношениями в исследуемой конструкции являются те, что возникают благодаря второму связующему средству, эти отношения условно можно обозначить как уступительно-противительные. Так как диапазон значения лексем, функционирующих в качестве второго связующего средства, не исчерпывается оформлением уступительных и противительных отношений, требуется более детальное изучение семантики конструкций с вторичной связью.

Литература

1. Белошапкина, В. А. Сложное предложение в современном русском языке: Некоторые вопросы теории / В. А. Белошапкина – М., 1967. – 160 с.
2. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов / Н. С. Валгина. – М.: ВШ, 1991. – 432 с.
3. Василенко И. А. К вопросу о союзных и бессоюзных предложениях в русском языке // Проблемы современной филологии: Сборник статей к 70-летию ак. В. В. Виноградова. – М.: Наука. 1965. – С. 47-52.
4. Гетманская М. Ю. Синтаксический статус союзных слов в современном русском языке: Дис... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 249 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
6. Гужва Ф. К. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. Пунктуация / Ф. К. Гужва. – Киев: Вища шк., 1979. – 279 с.
7. Кириллова Л. Е. О формальной основе конструкции с вторичной союзной связью // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток, 1981. – С. 79-96.
8. Колосова Т. А. Сочинение или подчинение? (к вопросу о вторичной союзной связи в сложноподчиненном предложении) // Вестник НГУ. – 2005. – Т. 4. – Вып. 4. – С. 46-49.

9. Колосова Т. А., Черемисина М. И. О значимости понятий «союзность» и «бессоюзность» в типологии русских сложных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып.1. М-лы науч. конф. – М.: русский учебный центр, 2000. – С. 24-32.
10. Крючков С. Е., Максимов, Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Учебное пособие.– М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
11. Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. – М.: Изд-во РУДН, 1997.– 256 с.
12. Латышева, А. Н. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений: три стратегии оформления подчинения // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып.1. Материалы научной конференции – М.: Русский учебный центр, 2000. – С. 86-94.
13. Лекции по синтаксису современного русского языка. – Прага, 1971. – 199 с.
14. Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 201 с.
15. Мишланов В. А. Русское сложное предложение в свете динамического синтаксиса: Автореф. д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 40 с.
16. Нестругина М. В. Сложноподчиненные предложения, выражающие определительные отношения (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 23 с.
17. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2007. – 296 с.
18. Пospelов, Н. С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка/ Под. ред. В. В. Виноградова. – М., 1950. – С. 321-337.
19. Прияткина, А. Ф. К изучению союзных связей «вторичного» характера // Современный русский язык: Уч. зап. Дальневосточ. ун-та, Владивосток, 1970 – С. 37-58.
20. Русская грамматика. – Прага, 1979. Т.2. – С. 667-1093.
21. Скобликова, Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения (теоретический курс): учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 264 с.